

— Дядя, ты должен выжить, мы сейчас отвезём тебя в больницу, держись!

Сказав это, он присел на корточки и, глядя на уже потерявшего сознание Су Цайци, с тревогой произнёс эти слова.

— О, так вы сами не сказали Су Е, а теперь вините его за то, что он опоздал?

Женщина, не ладившая с Ян Цунмэй, снова набросилась на неё:

— Почему не сказали Су Е? Наверное, не потому, что боялись, что его втянут в это, правда? Может, есть что-то, что Су Е не должен знать? Раньше твой муж говорил, что деньги уже готовы, но пропали, неужели вы взяли деньги, оставленные отцом Су Е, чтобы расплатиться с долгами?

Ян Цунмэй вздрогнула, будучи так беспощадно разоблачённой, её лицо выдавало вину и беспокойство.

Ян Цунмэй чувствовала, что её вот-вот захлестнёт волна осуждения со стороны жителей деревни. Она никак не ожидала, что из-за одной фразы Су Е она из объекта сочувствия превратилась в мишень для нападок и в глазах деревни стала злой женщиной.

Она посмотрела на Су Е, который молча сидел рядом с Су Цайци, время от времени всхлипывая, казалось, всё его сердце было поглощено заботой о ранах дяди. Его выражение лица, полное раскаяния, словно говорило о том, что он действительно жалел, что не смог вернуться раньше и взять на себя всё вместо Су Цайци.

Ян Цунмэй подумала, что слова Су Е, вероятно, были искренними, и он не намеревался нападать на неё. Кроме того, Су Е не лгал: они с Су Цайци действительно скрыли от него это дело, так как хотели тайно использовать эти сбережения. Поэтому, обнаружив утром, что деньги пропали, они сразу же позвонили Ю Инаню за помощью.

Она думала, что Ю Инань, происходящий из обеспеченной семьи, сможет помочь, но, позвонив много раз, так и не дозвонилась.

Как Ян Цунмэй могла знать, что её многообещающий будущий зять в тот момент занимался чем-то непристойным с другим мужчиной? Позже он сразу же отправился на лекцию, надеясь наладить связи с Син Цзымином, и у него не было времени заниматься такими бедняками, как они.

После безуспешных попыток занять денег у родственников Ян Цунмэй снова позвонила Ю Инаню.

Как раз в этот момент лекция закончилась, и Ю Инань, считая, что Ян Цунмэй всё ещё может быть полезной, с отвращением ответил на звонок, хотя его тон был почтительным, и он нашёл оправдание тому, что не ответил раньше.

Ян Цунмэй не сомневалась в преданности Су Е своему дяде, и никто не заметил, что под маской скорбящего и раскаивающегося юноши Су Е скрывалось чувство удовлетворения...

Су Цайци стал калекой, а жители деревни увидели истинное лицо Ян Цунмэй. Слухи страшны, особенно в деревне, а Су Цайци и Ян Цунмэй были теми, кто больше всего дорожил своей репутацией. Они всегда любили хвастаться своей бескорыстностью и великодушием, утверждая, что относятся к Су Е как к родному сыну и любят его больше, чем свою дочь.

Благодаря этому они даже получили некоторые привилегии в деревне: большинство жителей обычно относилось к ним с уважением, а местные чиновники при распределении земли для строительства домов даже выделили им дополнительный участок, и это далеко не всё.

Даже плата за обучение Су Е в университете была собрана благодаря нескольким учителям, которые его очень любили, и стипендии, выделенной университетом.

Су Е прекрасно понимал, что он не искажал факты: Ян Цунмэй, увидев его, действительно надеялась, что он вернётся раньше и вместо Су Цайци лишится рук. Он просто раскрыл её злые намерения перед всеми.

И когда Ян Цунмэй ругала его за то, что он опоздал, некоторые жители деревни уже начали подозревать, что она могла думать именно так. А после его слов, которые лишь разожгли их недовольство, и, тронутые его преданностью, они один за другим стали осуждать Ян Цунмэй.

Как раз когда Ян Цунмэй хотела провалиться сквозь землю, тот заботливый житель деревни пригнал машину.

Это был подержанный микроавтобус, старый, но с просторным салоном.

Су Е вместе с другим жителем деревни подняли окровавленного Су Цайци и уложили его в машину, которая сразу же отправилась в крупнейшую больницу уезда. Однако раны Су Цайци были слишком серьёзны, и, возможно, его придётся перевести в более крупную больницу.

В закрытом заднем отсеке машины были только Су Е и Су Цайци. Су Е смотрел на бледные, истекающие кровью руки Су Цайци и равнодушно думал, не умрёт ли он сейчас?

Честно говоря, он считал, что смерть Су Цайци была бы слишком лёгким наказанием. Он ещё не насладился его мучениями!

У здорового человека отрубили обе руки, а ведь деньги для погашения долга были готовы, но их украли. Не знаю, не сойдёт ли Су Цайци с ума, когда очнётся...

Настроение Су Е было «неописуемо прекрасным», и в этот момент его сосед по комнате Ли Цзюньчэнь почему-то позвонил.

— Алло, — ответил Су Е.

— Су Е! С Инанем случилась беда!!

С другой стороны провода донёлся взволнованный голос Ли Цзюньчэня.

Су Е на мгновение замер, а затем на его губах появилась улыбка. Если бы кто-то третий был рядом, независимо от пола, он, вероятно, был бы очарован этой улыбкой.

В прошлой жизни, пока его не убили, Ю Инань всегда шёл по жизни легко, его удача была лучше, чем у кого-либо ещё. И вот в этой жизни с ним случилась беда?

Спасибо судьбе за этот подарок в честь моего перерождения...

Время откатилось на несколько часов назад.

После успешного завершения лекции секретарь и декан Театральной академии, а также другие руководители с радостью заговорили с Син Цзымином и Шэнь Иньханом, выражая свои

комплименты и приглашая их на ужин.

Шэнь Иньхан, как обычно, был дружелюбен и общителен, а Син Цзыминь, хотя и не был слишком любезен, всё же был вежлив и не проявлял никакого нетерпения.

Как преданный помощник, Ван Инцзе понимал, что сейчас его очередь выступить и избавить своего босса от лишних хлопот.

— Господин Син, время встречи с господином Тань уже близко, — Ван Инцзе подошёл к Син Цзыминю и напомнил ему, его голос был достаточно громким, чтобы все присутствующие могли услышать.

Секретарь академии, услышав это, тут же вежливо сказал:

— Если господин Син занят, то, пожалуйста, отправляйтесь, дела важнее, мы не будем вас задерживать!

Син Цзыминь кивнул, извинился перед всеми присутствующими и первым вышел из аудитории.

Ван Инцзе уже распорядился, чтобы водитель подогнал машину неподалёку, и, увидев Син Цзыминя, водитель открыл дверь.

Син Цзыминь подошёл, краем глаза заметил чью-то тень, но не показал виду и спокойно сел в машину.

Эту тень ни Ван Инцзе, ни водитель не заметили. Когда машина тронулась, Ван Инцзе обернулся и спросил:

— Господин Син, до встречи с господином Тань осталось два с половиной часа, у вас есть планы на это время?

Да, на самом деле до встречи с господином Тань было ещё рано, и Ван Инцзе намеренно сказал это руководителям академии, чтобы Син Цзыминь мог уйти раньше, не обидев никого.

Син Цзыминь, сидя на заднем сиденье, задумался и спокойно сказал:

— Поедем сначала, потом решим.

Он чувствовал, что скоро произойдёт что-то, что займёт его на пару часов...

Машина медленно спускалась с холма. Театральная академия города Эйч располагалась на склоне горы, поэтому после выезда с территории академии предстоял ещё довольно длинный спуск.

Интуиция Син Цзыминя, как всегда, оказалась острой и точной. Едва машина свернула за угол, как группа молодых людей внезапно выскочила из ниоткуда и окружила движущийся автомобиль.

Водитель инстинктивно нажал на тормоз, а Ван Инцзе, увидев злобные лица молодых людей, держащих в руках кирпичи и железные прутья, на мгновение замер, а затем обернулся и сказал:

— Господин Син, похоже, мы столкнулись с грабителями.

Он не испытывал паники или страха, просто был удивлён, что с ними случилось такое.

В отличие от водителя, Ван Инцзе понимал, что для Син Цзыминя, прошедшего через огонь и воду, эти уличные бандиты не представляли угрозы. Поэтому, даже если он и водитель были практически беспомощны, он был уверен, что все трое останутся невредимыми.

<http://bllate.org/book/16648/1525277>